

История одного реванша Взлет и падение СПС

Кирилл БЕНЕДИКТОВ

Избрание президентом России Дмитрием Медведевым пробудило у части российской общественности надежды на новый «либеральный реванш». Между тем последнее возвращение либералов во власть состоялось девятью годами раньше — когда на парламентских выборах 1999 года избирательный блок СПС набрал 8,5 процента голосов. Реванш этот продолжался недолго — всего четыре года. На следующих парламентских выборах ни СПС, ни «Яблоку» не удалось преодолеть пятипроцентный барьер и попасть в число парламентских партий. Но дает ли это основания думать, что феномен 1999 года был случайным?

Использование спортивной или военной терминологии в данном случае способно только сбить исследователя с толку. Слово «реванш» подразумевает победу после поражения — и в этом смысле в 1999 году либералы действительно отыгрались за горечь потерь года предшествующего, проведя в парламент две партии, одна из которых — СПС — на протяжении первого срока Владимира Путина воспринималась как «резервная партия власти». Однако погружение в атмосферу этого, казалось бы, не такого далекого прошлого дает неожиданный эффект — то, что воспринимается нами как реванш, тогда выглядело лишь восстановлением нарушенного однажды (осенью 1998 года) порядка. Описываемый период был либеральной эпохой в том смысле, что и Кремль, и медиа, и множество общественных и экспертных организаций формировали в основном либеральный курс, на фоне которого правительство Евгения Примакова выглядело в высшей степени антилиберальным и антирыночным. Поэтому блестящие результаты правых на выборах 1999 года следует рассматривать как попытку либеральной среды вырастить своего рода политический инструмент для реального воздействия на власть, которая идеологически была им вполне комплиментарна.

Была ли эта попытка успешной? Если да, то почему в 2003 году либеральные партии в России вновь оказались брошенными на периферию политической жизни? Если нет, то что послужило тому причиной — учитывая тот факт, что активность либеральной среды все эти годы отнюдь не снижалась? Ответы на эти вопросы помогут понять, чего можно и чего нельзя ожидать от чаемого либералами реванша-2008.

Отцы и дети дефолта

В августе 1998 года либеральная идеология в России, казалось, потерпела сокрушительное поражение. Под обломками рухнувшей системы ГКО и валютного коридора фактически погибла монетаристская модель экономики, которую на протяжении семи лет пытались внедрять птенцы гнезда Егора Гайдара. Правительство Сергея Кириенко пало, не просуществовав и полгода. Политические элиты, управлявшие страной после 1993 года, лишились кредита доверия не только внутри России, но и за рубежом. Непрочный консенсус, объединявший финансовые и бюрократические кланы ельцинского режима, был сметен внезапно грянувшей бурей.

Но парадоксальным образом дефолт 1998 года сыграл значительную роль в возрождении отечественного либерализма. Подъем промышленности, начавшийся уже весной 1999 года, на фоне предшествовавшего ему ожидания катастро-

фы выглядел едва ли не чудом. Объективно дефолт привел к ослаблению «импортной удавки», не дававшей развиваться отечественной промышленности. В этом смысле политики, ответственные за август 1998 года, имели определенное право претендовать на лавры «спасителей России».

Главную роль в этом возрождении сыграло существование в России влиятельного либерального сообщества, объединявшего политиков, экспертов, журналистов, общественных деятелей и т. д. Это сообщество фактически формировало повестку дня даже в постдефолтной России; для этого сообщества правительство Евгения Примакова (на тот момент самого популярного человека в стране) было несомненным идеологическим врагом, и это противостояние во многом определяло стратегию либеральных политиков, сумевших преодолеть внутренние разногласия и сплотиться перед лицом общего врага.

Первая попытка создать правую коалицию (на основе партии «Демократический выбор России», «ДемРоссии», РПСД и ряда либерально ориентированных губернаторов) была предпринята в ноябре 1998 года. Любопытно заявление, с которым выступили четырнадцать политиков, вошедших в состав этой коалиции: «В ответ на попытки повернуть страну вспять — к диктату и распределению, отвечая на звучащие по всей стране требования объединения демократических сил, мы, нижеподписавшиеся, начинаем работу по созданию нового общественно-политического объединения правоцентристской ориентации».

Парадоксальным образом дефолт 1998 года сыграл значительную роль в возрождении отечественного либерализма

Тогда же, в ноябре 1998 года, была создана инициативная группа новой политической организации сторонников бывшего премьера РФ Кириенко (ранее участвовавшего в группе, пытавшейся создать правоцентристскую коалицию). Организация, получившая название «Новая сила», на первом этапе использовала поддержку региональных организаций Республиканской партии РФ, а также Партии российского единства и согласия, ставила своей главной целью «сохранение в России демократического режима управления и рыночной экономики». «Речь идет об объединении ... не лидеров, а людей, которые будут голосовать на выборах, ... тех 30–40 процентов, которые еще не трансформировали свою экономическую самостоятельность в самостоятельность политическую», — заявил Кириенко на пресс-конференции в декабре 1998 года.

Первоначально предполагалось, что «Новая сила» готова вести переговоры и объединиться со всеми, кто «придерживается таких же взглядов», в том числе с правоцентристской коалицией Егора Гайдара и Анатолия Чубайса, Борисом Немцовым, «Яблоком», и даже движением Юрия Лужкова. При этом сам Кириенко позиционировал свое движение как «консервативное», вкладывая в это понятие несколько иное значение, чем это обычно принято делать. «Консерватизм» «Новой силы» предусматривал наличие неких правил, как для власти, так и для бизнеса, которые должны были выполняться всеми.

Довольно скоро Кириенко дистанцировался от лидеров правоцентристской коалиции, выступив с идеей создания более широкого некоммунистического блока с участием губернаторов (чтобы создать противовес пресловутому «красному поясу») и, в идеале, «Яблока». Правоцентристская коалиция, получившая с января 1999 года официальное наименование «Правое дело», пыталась привлечь Кириенко в свои ряды, однако до лета 1999 года тот присутствовал на мероприятиях коалиции только как гость. В мае 1999 года «Новая сила» и губернаторский блок «Голос России» Константина Титова заявили о начале работы по созданию широкой «правоцентристской коалиции». Речь явно шла о том, кто будет играть первую скрипку в складывающемся ансамбле либералов — в том же, что такой ансамбль будет создан, по-видимому, не было никаких сомнений.

В итоге к концу июля 1999 года Кириенко и «Новой силе», рассматривавшейся как прообраз «правой партии власти», удалось занять лидирующие позиции в либеральном лагере. 23 июля 1999 года состоялась встреча Кириенко, Чубайса

и Титова, на которой была достигнута договоренность о создании единого блока. Официального «дележа портфелей» не произошло, но лидерство Кириенко уже никем не оспаривалось.

29 августа 1999 года на совместном съезде был учрежден Союз правых сил (СПС), в который вошли большая часть партий «Правого дела», «Новая сила», часть «Голоса России». Правым удалось собрать на одной площадке немало знаковых фигур либерального лагеря. В то же время первоначальный план, предполагавший союз между двумя организациями, имевшими наиболее разветвленные региональные сети – ДВР и НДР, – реализовать не удалось. Единственной крупной фигурой, перешедшей в праволиберальную коалицию из НДР, стал губернатор Самарской области Титов, который после конфликта с Виктором Черномырдиным покинул ряды «партии власти» и основал собственную организацию «Голос России». В конце концов идея союза между двумя лагерями правого фланга российской политики была окончательно предана забвению; единственным результатом переговоров можно считать уход из «Правого дела» «либеральных консерваторов» Бориса Федорова из движения «Вперед, Россия!», присоединившихся к НДР*. Это событие рассматривалось в то время как раскол правой коалиции. К тому же из «клуба губернаторов», каким был до осени 1999 года «Голос России», вышли почти все губернаторы и большинство карликовых партий.

В итоге сложившаяся к выборам 1999 года коалиция состояла из трех основных игроков и десятка участников поменьше. К главным игрокам относились ДВР, движение «Новая сила» Кириенко, а также «Голос России» Титова. «Массовку» представляли «Россия молодая» Бориса Немцова, «Общее дело» Ирины Хакамады, Российская партия социальной демократии Александра Яковлева, Крестьянская партия Юрия Черниченко, Федеральная партия «Демократическая Россия», движение «Демократическая Россия», Партия экономической свободы Константина Борового и так далее. Вместе они образовали избирательный блок Союз правых сил, зарегистрированный ЦИК в сентябре 1999 года.

Толстая кожаная папка

Пестрота избирательного блока СПС обусловила отсутствие сколько-нибудь цельной идеологии и как следствие – внятной предвыборной платформы. По мнению члена Общественной палаты РФ Вячеслава Глазычева, баллотировавшегося на выборах мэра Москвы в паре с Кириенко на должность вице-мэра, единой позиции у таких людей, как Немцов, Ковалев, Чубайс, Гайдар, Кириенко, просто не могло быть. «Никогда между ними не было настоящего согласия ни по одному вопросу, – вспоминает Глазычев. – Да и партии не было как таковой... Партийные структуры не успели сложиться».

Глазычев считает также, что у правых в тот момент не было и разработанной экономической программы. «Экономической программы правых не было. Был только весьма определенный вектор – рыночный, капиталистический, в принципе с надеждой опоры на новые двигатели рыночного хозяйства. В некотором смысле это совпадало с настроением власти».

Это верно лишь отчасти. Таинственная «толстая папка в кожаном переплете», в которой якобы находилась «программа СПС», была вручена тогдашнему премьеру РФ Путину экс-премьером Кириенко за несколько дней до выборов. Сцена торжественного вручения Путину документов СПС была включена в рекламный ролик избирательного блока.

«В 1999 году Путин поддержал “Единство”, но при этом встретился с Кириенко, получил от него толстую папку, на которой было написано “программа”. Естественно, эту папку никто не читал, в том числе и Путин, но, тем не менее, он по-

* Это движение вошло в историю главным образом следующим перлом из предвыборной программы 1995 года. «Нам говорят: – Россия на краю пропасти, ничего нельзя сделать, все пропало. Мы решительно отвечаем: – Если вы не можете – уйдите, не мешайте. Хватит топтаться на месте. ВПЕРЕД, РОССИЯ!»

благодарил за нее, сказал, молодцы, что думаете о стране, тем самым дав им немного своего рейтинга», — считает директор Международного института политической экспертизы Евгений Минченко, в те времена — эксперт комитета Государственной Думы по безопасности. Однако, по информации людей, все-таки заглядывавших в папку, там находились ксерокопии разрозненных документов, имеющих отношение к экономике. Сама же экономическая программа СПС существовала в лучшем случае в виде деклараций о намерениях*.

Это, однако, не имело большого значения для режиссеров политического спектакля 1999 года. Символический шаг передачи «программы СПС» Путину не только прибавил популярности СПС, но и существенно усилил позиции Кириенко внутри избирательного блока. Однако главный месседж этого акта расшифровывался так: Кремль и либералы играют в одну игру, это близкие союзники, идеологически родственные силы. Сейчас политологи склонны говорить о системе договоренностей, существовавших между СПС и Кремлем, в рамках которых и была осуществлена «передача программы». «Либералы становились полупроходными, — говорит политолог Алексей Макаркин — в тот период сотрудник газеты «Сегодня», — описывая ситуацию лета — осени 1999 года. — Но чтобы стать проходными, нужно было попасть на телевидение, на 1 и 2 каналы, которые оставались в руках Кремля. Кроме этого СПС нужна была поддержка премьер-министра Путина, который осенью 1999 года был самым рейтинговым политиком. И Путин поддержал экономическую программу СПС».

Символический шаг передачи «программы СПС» Путину не только прибавил популярности СПС, но и существенно усилил позиции Кириенко внутри избирательного блока

Такая трактовка подразумевает, что правые осенью 1999 года были самостоятельным центром силы, который вел свою собственную игру и мог «договариваться» или «не договариваться» с Кремлем по каким-то ключевым вопросам. С точки зрения людей, принимавших непосредственное участие в создании СПС, это было отнюдь не так. Правые входили в тот же политический мейнстрим, что и созданное Кремлем «Единство» — некоторые даже рассматривали их как часть одного кремлевского проекта. Правда, преобладала точка зрения, согласно которой СПС был своего рода «страховочным» проектом — на тот случай, если «Медведь» не выполнит возложенных на него задач.

«В обществе всегда есть запрос. Запросом 1999 года оказался Путин, а рядом с ним оказался Кириенко, — говорит Борис Надеждин, в 1999 году бывший членом политсовета движения «Новая сила». — Если вы доверяли Путину, то значит, вы должны были голосовать или за СПС, или за «Единство». И «Отечество», и КПРФ, и ЛДПР абсолютно точно воевали на этих выборах с «Единством». Поэтому «Единство» и получило 30 процентов. А те, кто надеялся на Путина, но у кого бюрократия вызывала изжогу, проголосовали за СПС. И в дальнейшем мы всегда обнаруживали, что избиратель СПС голосует за Путина. В отличие от избирателя «Яблока», при всем ощущении, что это близкие люди».

* «Российская газета» уже после назначения Кириенко полпредом в Приволжском федеральном округе (что произошло 18 мая 2000 года) сообщала, что «в одном из спортивных зданий города Кстово, где занимаются самбисты, проходят совершенно не афишируемые заседания специалистов из Москвы, в том числе из команды Грефа. Ни журналисты, ни политики, ни кто-либо посторонний, кроме окружения Кириенко, туда не допускаются. Никаких интервью, никакой утечки информации оттуда не происходит... Сергей Кириенко разработчикам своей программы дал всего один-два месяца». Впоследствии стало известно, что в здании Всемирной академии самбо проходил семинар Приволжского филиала ЦСР Германа Грефа.

Одним из главных отличий правых от главного кремлевского проекта – «Единства» – было широкое подключение к политической игре неаппаратных сил. К услугам правых была вся влиятельная российская либеральная среда, формировавшаяся по меньшей мере с конца 1980-х годов. Повестка дня, в сущности, заменяла собой программу (впоследствии правые приняли непосредственное участие в подготовке программы Грефа). Вручение Путину «толстой кожаной папки» было «сакральным» актом, который расшифровывался так: либералы признали Путина своим, а он, в свою очередь, дал понять, что не встанет в оппозицию к либеральной среде.

Среда эта, тем не менее, не была однородной: к лету 1999 года в ней появились новые игроки, четко ориентированные на власть и не испытывавшие потребности критиковать ее по любому поводу, чем частенько грешили «старые демократы». Лидерами этой новой волны были Кириенко и его движение «Новая сила». Именно Кириенко, который, несмотря на свой уход из Кремля, оставался частью либерально-властной номенклатуры и сохранил тесные связи с влиятельными чиновниками президентской администрации, послал федеральной власти недвусмысленный сигнал «я – свой», выставив свою кандидатуру на выборах мэра Москвы в качестве альтернативы находившегося тогда в оппозиции Кремлю Лужкова.

Большинство наблюдателей рассматривали «войну» Кириенко с Лужковым как «нетривиальный рекламный ход» со стороны экс-премьера: реальных шансов одержать победу у него, конечно, не было. Однако Кириенко, выступавший на выборах в тандеме с Глазьевым, получил довольно-таки высокий результат (12 процентов голосов избирателей). Помимо того, что о Кириенко вновь заговорили в СМИ, а сама кампания негативно ударила по имиджу блока «Отечество», московские выборы показали, что либералы оправились от шока годичной давности и готовы к новому наступлению на политическом фронте.

Второй ясный месседж был послан обществу Чубайсом, справедливо считавшимся теневым лидером праволиберальной коалиции. В полемике с Григорием Явлинским Чубайс заявил, что «российская армия возрождается в Чечне». Сигнал этот едва не вызвал раскола в стане самих либералов. Для «старых демократов» заявление Чубайса выглядело предательством либеральных ценностей. Впоследствии это не раз ставилось в вину СПС – правые либералы, мол, поддержали «несправедливую» войну в Чечне. В действительности это была личная точка зрения Чубайса, не отражавшая платформу СПС в целом – хотя бы потому, что единой позиции в отношении чеченской войны у правых не было. По словам Надеждина, осенью 1999 года входившего в политсовет движения «Новая сила», а впоследствии вошедшего в политсовет Союза правых сил, «в партии (СПС) тогда был крупный скандал, который постарались замять. Но если что-то говорит Чубайс, то это запомнится навсегда».

Заявление Чубайса, поддержанное Кириенко и Немцовым, было болезненно воспринято «старыми демократами», такими как Юшенков, Ковалев и другие. Последний, например, будучи членом политсовета ДВР и участником избирательного блока СПС, публично призвал избирателей голосовать за «Яблоко». После этого главный редактор журнала «Эксперт» Валерий Фадеев написал, что пока СПС не очистит свои ряды от таких «одиозных личностей», как Ковалев, шансов стать «нормальной партией» у него нет. Однако лидеры СПС решили «не трогать» известного правозащитника, чей авторитет, по их мнению, примирял часть столичной интеллигенции с необходимостью голосовать за Кириенко.

Мораль либерально-патриотического синтеза, которую пытались навязать коалиции Кириенко и Чубайс, была не приемлема для «старых демократов». Для них было важно сохранить либеральную идентичность, не связывая себя с национальным, патриотическим компонентом. В то же время они понимали, что в реалиях 1999 года такая платформа не будет пользоваться массовой поддержкой избирателей. Для «старых демократов» союз с «новыми либералами» был вынужденной мерой, «меньшим злом».

Что касается «новых либералов», то они могли бы, по всей видимости, попытаться сыграть в собственную игру, не связывая себя с догматичными «старыми демократами». Они представляли собой иной социальный тип, отличный от тра-

диционных либералов. Это были бизнесмены и менеджеры, которые, как правило, ранее не принимали активного участия в демократическом движении и в политике в целом (по возрасту или в силу занятий бизнесом). Иногда в выступлениях их лидеров проскальзывало недвусмысленное желание отмежеваться от дискредитировавших либеральную идею представителей «старой демократии», которую в народе все чаще уничижительно именовали «демшизой». Однако в этом случае они рисковали потерять либеральную идентичность, а это автоматически превращало их из самостоятельных игроков в субъектов кремлевской политики.

Одним из основных отличий правых от главного кремлевского проекта – «Единства» – было широкое подключение к политической игре неаппаратных сил. К услугам правых была вся влиятельная российская либеральная среда, формировавшаяся по меньшей мере с конца 1980-х годов

Заветной мечтой новых либералов – во всяком случае, в этот период времени – было возглавить властный проект. Понимая, что кандидатуру нового президента в любом случае назовет Ельцин (и влияющая на него Семья), либералы не без оснований рассчитывали, что новый президент, по меньшей мере, не будет находиться в оппозиции к либеральной среде. Поэтому предполагалось, что СПС станет не резервным, а «интеллектуальным» вариантом партии власти, а его лидеры получат реальную возможность влиять на внутреннюю политику России. Эта нацеленность формировала новый имидж либеральной партии – вместо рыхлого объединения демократов и правозащитников (образцом которого отчасти может служить ДВР) создавалась партия нового типа, которая в отличие от предыдущих либеральных проектов рассматривалась как либерально-государственническая, либерально-патриотическая и, возможно, даже силовая. Во всяком случае именно так видели свою «Новую силу» Кириенко и его союзники в Кремле (говорят, что одному из таких союзников, спичрайтеру президента Джохан Поллыевой, принадлежит высказывание: «Либерал – это сильный человек»).

Ключевым лозунгом предвыборной кампании СПС стал лозунг: «Путина – в президенты, Кириенко – в Думу!». Можно смело утверждать, что этот слоган сыграл роль победного штандарта, под которым правые торжествуя вступили в парламент.

Путин как секретное оружие СПС

Либералы отнюдь не были едиными в вопросе о том, как следует относиться к молодому премьеру – более того, вопрос о поддержке власти стал своего рода лакмусовой бумажкой для электората, настроения которого существенно изменились по сравнению с 1995 годом. Наблюдатели отмечали, что основные потери «Яблока» и приобретения СПС пришлись не на период полемики по чеченской проблеме, а на последние две недели перед голосованием, когда СПС начал активно поддерживать Путина, а «Яблоко» продолжало обходить этот сюжет стороной. Когда Явлинский, наконец, затронул эту тему, подтвердив свое безусловное участие в президентских выборах (это означало, прежде всего, что «Яблоко» разрабатывает альтернативный политический проект, в котором Путину-президенту места нет), социологические опросы впервые зафиксировали преимущество СПС над «Яблоком», которое продолжало расти вплоть до самих выборов.

Впоследствии «Яблоко» не раз критиковало СПС за их поддержку Путина, обвиняя правых в конформизме и готовности «поступиться принципами» ради сиюминутных политических выгод. Левые либералы укоряли правых за то, что они «защищают» Путина, оправдывают его антидемократические шаги и, в частности, прикрываются именем Анатолия Собчака – «учителя» президента. Вот что писал «яблочный» публицист Борис Вишневский: «Каждый раз, когда второго российского президента надо представить не бывшим офицером КГБ, а приверженцем демократии и свободы, образованным юристом и

цивилизированным государственным деятелем, используется образ “ученик Собчака”. Это традиционный аргумент не только для Запада, но и для российской интеллигенции, немалая часть которой продолжает считать Собчака своим кумиром.

Президент говорит, что уничтожение НТВ — это спор хозяйствующих субъектов, а Ходорковский сидит за решеткой не потому, что возражал власти, а за недоплаченные налоги? Но он же ученик выдающегося юриста Собчака. Значит, все описанное происходит по закону*.

Выбор фигуры Собчака в качестве объекта критики, конечно же, не случаен. Для правых бывший питерский мэр был своего рода связующим звеном между либерально настроенной интеллигенцией и бывшим полковником КГБ, поддержка которого, безусловно, должна была восприниматься этой интеллигенцией как своего рода нравственный вызов.

Сам Собчак, незадолго до выборов 1999 года вернувшийся из парижской эмиграции, отмечал «единство своей идеологической платформы с принципами СПС», хотя и исключал возможность своего вхождения во фракцию СПС в парламенте. По словам Собчака, «без фракции СПС новая Государственная Дума будет неполноценной и вновь обреченной на бездействие»**.

Идеологическая близость Собчака к СПС во многом определила то позитивное отношение, которое правые перенесли с бывшего председателя Ленсовета на его бывшего советника. Важную роль сыграл и факт назначения Собчака доверенным лицом кандидата в президенты Путина — и его неожиданная смерть в преддверии президентских выборов, и присутствие и. о. президента на похоронах своего учителя и наставника. Однако только эмоциями дело не ограничивалось. В своей политической практике Путин последовательно воплощал в жизнь многие предложения Собчака. Так, например, реформа административно-территориального деления России, предпринятая Путиным сразу же после избрания его президентом страны (в мае 2000 года), целиком отвечает мыслям Собчака, изложенным в его книге «Жила-была коммунистическая партия» (1995)***.

Правые сделали верную ставку. Популярность Путина принесла им голоса той части электората, которая действительно «ждала перемен», персонифицировала эти ожидания в лице молодого премьера и не сочувствовала критикующим

* Вишневецкий Б. Мэр для президента // «Московские новости», 29 октября 2004 г.

** «Интерфакс», 9 декабря 1999 г.

*** «Если мы хотим иметь в будущем более целесообразное административно-территориальное деление России, чем сегодняшнее, которое мы получили в наследство от коммунистической системы и которое во многом носит искусственный характер, то начинать эту работу лучше всего с укрупнения федеральных структур. Вполне целесообразно иметь одного представителя Президента на весь Северо-Запад, или Уральский, или Волго-Вятский экономический район. У представителя Президента, курирующего целый крупный регион страны, будет совершенно иной кругозор и масштаб деятельности, чем сейчас. Он не станет тратить силы на борьбу с региональным начальством, как сплошь и рядом происходит при нынешнем положении дел, у него будет возможность сравнивать, как идут дела в разных субъектах Федерации, и он может стать не просто присматривающим, надзирающим “государевым оком”, не просто контролирующим органом, а проводником новых идей, передового опыта, то есть вносить существенный вклад в развитие федерализма и в укрепление региональных структур власти. Немаловажно и то, что при этом произойдет укрепление вертикальной структуры исполнительной власти, а Президент и его администрация могли бы получать более достоверную информацию о происходящем в регионах. Точно так же можно поступить и с любой из тридцати трех федеральных структур, созданных сегодня в каждом из регионов. Именно с этого, по моему мнению, и нужно начинать процесс укрупнения субъектов Федерации и укрепления государственного единства России — с реформирования и укрупнения федеральных структур власти в регионах страны».

Собчак А. Жила-была коммунистическая партия. СПб., 1995. С. 227.

власть левым либералам. Но еще важнее было то, что Путин оказался идеальным кандидатом СПС. По мнению литературоведа и публициста Сергея Переслегина, Путин – «пример яркого и последовательного правого политика. То есть политика, который последовательно, умно и осмысленно проводит в жизнь правые идеи.

Путин фактически выполнял задачу правых на усиление российской государственности, российской экономики и на открытии этой экономике рынков за рубежом. Но выполнял эти задачи не на их условиях. И делал это честно все 8 лет своего правления».

С Переслегиным согласен политолог Станислав Белковский, который, однако, считает, что верхушка СПС сознательно подчеркивала идеологические расхождения между Путиным и правыми, «поскольку им это позволяло удерживать альтернативный центр консолидации либералов».

«Невозможно было бы, – говорит Белковский, – чтобы все реальные единомышленники СПС понимали, что Путин – это кандидат СПС, что для Путина идеальной позицией была бы позиция лидера СПС, что Путин абсолютный единомышленник Кудрина и Грефа (не случайно эти люди принимали существенное участие в определении путинской политики 8 лет)».

Именно молодежная среда, по замыслу политтехнологов СПС, должна была стать главной опорой правых

Действительно, при всей схожести программных установок СПС и той политики, которую проводил Путин в период своего первого президентского срока, правые не могли позиционировать себя как президентскую партию, а Путина – как «кандидата СПС». Прежде всего потому, что это место уже было занято кремлевским политтехнологическим проектом «Единство».

Выборы 1999 года показали, что в общественном сознании господствует запрос на молодых и энергичных политиков.

Время молодых

Помимо поддержки молодого и энергичного Путина СПС сумел выдвинуть на передний край таких лидеров – Кириенко, Немцова – и это тут же принесло свои плоды. Одной из основных политических технологий правых стала ставка на молодежь и отождествление себя с будущим. Политолог Алексей Зудин, в рассматриваемый период – эксперт Московского центра Карнеги, – указывает также на фактор «моральной регенерации» либерального избирателя, решающую роль в которой сыграла агитационная кампания «Ты прав!».

Кампания «Ты прав!» имела своей главной целью «исправление смыслов». Ставшие двусмысленными понятия «демократы» и «либералы» было предложено заменить куда более респектабельным термином «правые»*. Именно молодежная среда, по замыслу политтехнологов СПС, должна была стать главной опорой правых. Тесное отождествление себя с молодежью, а через нее с будущим позволило правым позиционироваться в общественном мнении как «партия нового поколения»**. Лозунг «Молодые, энергичные, грамотные – во власть!» также был нацелен на привлечение широких масс молодежи.

* В январе 1999 года Кириенко говорил о необходимости разработки нового политического языка: «Прошедшие годы привели к тому, что дискредитирован политический язык, мы по-разному понимаем одни и те же слова... Сегодня слово “реформа” носит негативный смысл. Слова “либеральный” или “демократический” – тоже».

** Зудин А. Союз Правых Сил // Россия накануне думских выборов 1999 года. Московский центр Карнеги. М., 1999.

На выборах 1999 года СПС в целом лидировала по категории «избиратели наиболее активных возрастов», по удельному весу самой молодой категории избирателей (до 25 лет) более чем в два раза опережая «Яблоку» и в два с половиной раза – ОВР и «Единство»*.

Повысило популярность правых среди молодежи и активное использование Интернета. В ходе парламентских выборов 1999 года либералы впервые в России использовали Интернет в качестве инструмента политических технологий. СПС продвигал в СМИ своих лидеров как самых «сетевых» политиков и успешно манипулировал темой Интернета как среды обитания наиболее «продвинутой» части электората. В результате в общественном мнении Немцов и Кириенко стали «главными интернетчиками» среди политиков. В частности, Кириенко еще зимой 1999 года предложил своим сторонникам создать «интернет-парламент», предметом обсуждения которого должна была стать «общенациональная стратегия России в следующем тысячелетии», экономическая программа движения «Новая сила», конституционная реформа и «разработка нового политического языка».

Среди интеллектуальных центров, поддерживавших экспансию правых в интернет-пространство, был Фонд эффективной политики – одна из первых в России структур, профессионально занявшихся разработкой, созданием и поддержанием интернет-проектов. Так, первый персональный сайт политика (www.nemtsov.ru) был разработан именно ФЭП. Ряд сетевых газет, запущенных этой структурой, оказывали информационную и идеологическую поддержку российским либералам.

Опора на молодежь, привлечение интернет-технологий – это лишь наиболее заметные, но не самые принципиальные отличия от других партий и движений. Гораздо более важным было использование системы профессиональных и экспертных сетей, ставшее настоящим ноу-хау правых.

Во многих случаях ядра этих сетей возникали на базе местных университетов и экспертных центров. Одной из самых известных сетей стала нижегородская, связанная с именем профессора Петра Щедровицкого, и московская, связанная с Вячеславом Глазычевым и Маратом Гельманом. Сети эти имели точки соприкосновения как на уровне личных контактов, так и на уровне идеологии: Глазычев долгое время сотрудничал с отцом Петра Щедровицкого, известным философом Георгием Щедровицким, основателем «школы методологов». Что же касается самого Щедровицкого-младшего, то его, как и политехнолога Ефима Островского, привлек к политическому консультированию «Новой силы» Гельман. Впоследствии на выборах 1999 года Щедровицкий-младший занимался также «комплексным проектированием и организационным сопровождением кампании СПС». Не касаясь сейчас идеологии методологов, заслуживающей отдельной статьи, отметим, что и в Москве, и в Нижнем Новгороде в их ассоциациях принимали участие не только (и даже не столько) политехнологи, сколько философы и архитекторы. Главной задачей этих объединений было конструирование новых социальных, организационных, культурных и эстетических моделей. При этом «развитая мыследеятельностная концепция», на которую опирались методологи, «конечно, к проектированию не имела ни малейшего отношения, а вообще вся выростала из педагогики»**.

«Сетевые опорные ядра, конечно, были во всех крупных городах, – вспоминает Глазычев. – В ту пору крупнейшие города и были ресурсом поддержки правых. Но это была скорее поддержка на противостоянии другому, чем на ясно выраженной политической платформе».

«Другие» в данном контексте – это совокупность всех политических сил, которые, с точки зрения правых, были ориентированы на советское прошлое (КПРФ) или на поддержание status quo в настоящем (ОВР, ЛДПР). В отличие от «дру-

* Лишь в категории «молодых взрослых» – от 25 до 39 лет – СПС уступал ЛДПР и «Яблоку».

** Глазычев В. Лекция об эволюции проектирования, 2. «Проектирование», Крым, Новый свет, июль 2001.

гих» СПС, и особенно те участники блока, которые были связаны с новыми общественно-политическими движениями («Новая сила», «Россия молодая», «Общее дело»), изначально нацеливались на завоевание будущего.

Правые и власть: несостоявшиеся союзники

Добившись реального успеха на выборах 1999 года, правые поспешили закрепить его как на федеральном, так и на региональном уровне. В Госдуме была сформирована фракция из 33 депутатов – четвертая по величине. Руководство фракцией включало в себя первую тройку избирательного списка СПС – Кириенко, Немцова, Хакамаду, а также Виктора Похмелкина. Реальный контроль над фракцией сосредоточил в своих руках Кириенко. Он стал председателем фракции, а его верная соратница Любовь Глебова – секретарем фракции. Таким образом, в парламенте ведущая роль перешла к движению «Новая сила» и связанным с ним политикам, тогда как влияние ДВР и других объединений «старых демократов» постепенно стало снижаться.

Выступив во время парламентской кампании 1999 года союзником Путина и движения «Единство», СПС рассчитывал играть первостепенную роль в правоцентристской коалиции, которая, казалось, должна была сложиться в Госдуме после поражения главного противника Кремля – ОВР. Основой коалиции предполагался союз между блоком «Единство» и СПС. Помимо них правоцентристское большинство должно было включать также фракцию «Яблоко», депутатскую группу «Регионы России» и часть ОВР.

После некоторых колебаний Волошин и его заместитель Владислав Сурков решили сделать ставку на коалицию двух фаворитов парламентских выборов – «Единства» и КПрФ

Однако вскоре после выборов Кремль дал понять, что не склонен переоценивать лояльность СПС. «В 1999 году для СПС поддержать власть было событием, это во многом означало переступить через себя, изменить своим подходам 1990-х годов, – считает Макаркин. – Но для власти такая поддержка была абсолютно естественным шагом. Кремль считал, что иная позиция по Чечне – это почти государственная измена. Не за что благодарить».

Вероятно, неудача проекта правоцентристской коалиции в Думе связана с изменением позиции руководителя Администрации президента Александра Волошина. Волошин, традиционно благоволивший правым, в какой-то момент пришел к выводу, что проект «правоцентристского большинства» обладает целым рядом недостатков. Он предполагал слишком мягкую, а, следовательно, ненадежную формулу политического контроля над Госдумой. Наличие четырех-пяти участников коалиции делало ее недостаточно устойчивой. К тому же в отношении управляемости и договороспособности одного из участников «правоцентристского большинства» – «Яблока» – иллюзий питать не приходилось*.

После некоторых колебаний Волошин и его заместитель Владислав Сурков решили сделать ставку на коалицию двух фаворитов парламентских выборов – «Единства» и КПрФ. Оппозиционность КПрФ не помешала Кремлю: ключевым фактором стало конструирование ситуации, которая делала невозможным возникновение устойчивой коалиции, направленной против «Единства». Новая модель, получившая название «подвижного большинства», была признана более управля-

* «Не секрет, что бывший глава АП – а равно исполнительная власть всех прежних, ельцинских, изданий – куда лучше относился к СПС, чем к вечно оппозиционному “Яблоку”, – писал в ноябре 2003 года на сайте «Политком.ру» политический обозреватель Дмитрий Крилык.

емой, чем широкая правоцентристская коалиция. Поэтому претензии правых на особую роль в Госдуме были отвергнуты. Им не удалось провести свою кандидатуру на пост спикера ГД (СПС выдвигал Похмелкина) и получить контроль над тремя ключевыми комитетами. В итоге соглашения между «Единством», КПрФ и аграриями все важнейшие комитеты распределялись между этими партиями, а СПС, ОВР и группе «Регионы России» были оставлены несколько второстепенных постов. «Яблоку» вообще не дали ни одного комитета. В результате фракции СПС, «Яблоко», ОВР и «Регионы России» объявили бойкот пленарным заседаниям ГД и отказались занимать предложенные им второстепенные думские посты.

Неожиданное предательство «Единства» поразило либералов. Покинув зал заседаний ГД, Кириенко заявил журналистам, что сожалеет о том, что СПС рассматривал блок «Единство» в качестве своего союзника. «Такого позора в Госдуме не было никогда», — заметил Кириенко. — «Жаль, что “Единство”, которое мы считали своим партнером, избрало своим партнером компартию».

Реакция левых либералов была еще жестче. «У новой Госдумы медвежье лицо», — заявил лидер «Яблока» Явлинский. — «В Думе сформировался нерушимый блок коммунистов и беспринципных».

Кириенко высказал предположение, что на основании покинувших зал заседания депутатских объединений может быть создана «правоцентристская коалиция». Эта перспектива вынудила Администрацию президента пойти на компромисс с правыми. В конце января 2000 года Кириенко был приглашен в Кремль, где встретился с и. о. Президента РФ Путиным и главой АП Волошиным. Используя тактику сепаратных переговоров, Кремлю удалось расколоть неустойчивую «коалицию меньшинств», и 9 февраля 2000 года депутаты от СПС, ОВР и «Яблока» вернулись в зал пленарных заседаний.

Тем не менее парламентский кризис чувствительно ударил по позициям правых. Чувство эйфории, охватившее либеральный лагерь после выборов 1999 года, развеялось. Впервые стало очевидно, что 8,5 процента, казавшиеся в декабре нереальным успехом, в действительности весьма и весьма средний результат, достигнутый во многом за счет поддержки правых Путиным и постоянного присутствия в эфире федеральных телеканалов. «Политическое поражение ретроспективно девальвировало моральный смысл электорального успеха СПС на выборах. Он начинает интерпретироваться как “нечестный”», — писал политолог Зудин.

Кроме того, парламентский кризис стал первой серьезной трещиной, пробежавшей между правыми и и. о. президента. После того как «Единство» пошло на союз с КПрФ, позиции лидеров СПС, позиционировавших себя сторонниками Путина, серьезно пошатнулись. Чубайс, рассматривавшийся как «теневой лидер» правых, ориентированный на сотрудничество с политическим режимом Путина, сразу после кризиса выступил с резкой критикой действий федеральных властей в «деле Бабицкого» в Чечне. Чубайс заявил, что это «безусловная и однозначная ошибка власти», «по сути и по политическим последствиям, в том числе и для Путина, это негатив, нет сомнений». Кроме того, глава РАО ЕЭС подтвердил, что «никак не планирует» своего участия в предвыборном штабе Путина. Это был недвусмысленный намек на то, что правые недовольны отношением к ним и. о. президента. Хакамада, считавшаяся союзницей Чубайса во фракции СПС, направила депутатский запрос в Генпрокуратуру по делу Андрея Бабицкого. Этот шаг, конечно, не означал еще публичного осуждения правыми войны в Чечне, но был расценен в Кремле как безусловно недружественный.

Перед выборами президента в марте 2000 года часть депутатов фракции СПС выступила против кандидатуры Путина. Это прежде всего относится к «старым демократам» — Юшенкову, Ковалеву и Рыбакову*. 25 февраля 2000 года на заседании координационного совета СПС было принято формально решение не выдвигать своего кандидата на президентских

* Сергей Юшенков призвал правых голосовать «против всех», Сергей Ковалев поддержал кандидатуру Явлинского, а Юрий Рыбаков — Титова.

выборах – то есть не признавать официальными кандидатами СПС ни Титова, поддержанного рядом входящих в СПС партий, ни Путина, за которого призывали голосовать Чубайс и Кириенко.

Однако 14 марта 2000 года на совместном заседании фракции СПС и КС блока был вновь поставлен вопрос о президентских выборах, и на этот раз – под давлением Чубайса – было принято решение о поддержке кандидатуры Путина.

Главный союзник Путина во фракции СПС – Кириенко – после президентских выборов получил предложение занять пост полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе. Как утверждал сам Кириенко, президент поставил перед ним определенную задачу – разработать для округа такую модель управления, которую можно было бы использовать в дальнейшем для всей России.

Под контролем Кириенко в ПФО велась серьезная экспертная работа по созданию новых моделей управления на базе традиционных правых ценностей. Главным штабом разработки этих моделей стал Центр стратегических исследований ПФО, созданный в 2000 году по проекту политтехнолога СПС Петра Щедровицкого. В планы Щедровицкого входило создание окружного Центра стратегических исследований при каждом полпреде, но в полной мере эту идею удалось реализовать лишь в ПФО, где Кириенко доверил ЦСИ разработку долговременных стратегий по управлению округом на основе методологии принятия наиболее эффективных решений. В целом в 2000–2005 годах ПФО служил своего рода полигоном для реализации методик администрирования, приемлемых для российских правых.

Прогрессоры

Хотя либералы и не сумели добиться реального влияния на политический процесс на федеральном и региональном уровне (за исключением ПФО), их деятельность в период первого президентского срока Владимира Путина была достаточно заметной. Существует мнение, что «первая легислатура» Путина была своего рода «правым Ренессансом» – главным образом потому, что политика, проводившаяся правительством России, лежала в основном в рамках либеральной идеологии. Но так ли это на самом деле?

Существует мнение, что «первая легислатура» Путина была своего рода «правым Ренессансом» – главным образом потому, что политика, проводившаяся правительством России, лежала в основном в рамках либеральной идеологии

Действительно, в начале 2000-х годов в лагере правых была популярной идея о том, что в обществе востребована новая либеральная модель государственного устройства, реализации которой мешает только косность правящих элит. Либеральные публицисты Татьяна Кутковец и Игорь Клямкин в статье «Нормальные люди в ненормальной стране» пытались развенчать мифы о русском народе как о «народе-овоще», состоящем из инертных, пассивных и ленивых людей, не способных на самостоятельную ответственную инициативу и нуждающихся в постоянном руководстве, и как о православном народе-богосносце. С точки зрения правых, русский народ не являлся православным по своим глубинным убеждениям, напротив, в его ментальности четко прослеживались протестантские ценности (этот вывод делался на основе соцопросов, где людям было предложено делать выбор не между конфессиями, а между «экзистенциальными смыслами»). Развенчивая эти мифы, Кутковец и Клямкин пытались создать собственный миф – о некоей злокозненной «русской системе», противостоящей проекту модернизации и основанной на подчинении личности некоему стоящему над ней целому (общине, трудовому коллективу, в конечном счете – государству). Создавалась ценностная оппозиция: «модернистская культура – это установка на постоянное развитие потребностей и их удовлетворение в свободной конкуренции умений, способностей и талантов», «русская система» – это «заниженность притязаний (“нестяжательность”», предпочтение выживания перед развитием, ограничение свободной

конкуренции локальными сферами и т. д. Делался вывод о том, что за всю историю России не было столь благоприятных условий для ее модернизации и вестернизации. «Раньше реформы блокировались консерватизмом населения, что предопределяло неудачи прежних модернизаций либо их откровенно насильственный характер. В начале XXI века картина принципиально иная: в современной России реформаторский потенциал общества значительно превышает потенциал элит»*.

Соответственно усилия правых, инкорпорированных во власть, были направлены на то, чтобы убедить ее использовать этот уникальный шанс для «модернизации и вестернизации» страны. Наиболее логичным для этого было навязать власти свою экономическую программу, которую Путин принял из рук Кириенко еще перед выборами 1999 года.

С одной стороны, это было достаточно легко, поскольку альтернативных программ на тот момент в стране не существовало. У «Едиства» четко разработанная программа отсутствовала принципиально: по свидетельству одного из разработчиков платформы «медведей» Белковского, «тогда было принято избегать ярковыраженной программы, что технологически было правильно: поддержка чеченской войны, молодого лидера в противовес полулегитимному старому было наиболее важной составляющей исторического меседжа. Конкретика программы от него бы отвлекала».

Левые на тот момент также не имели конкурентоспособной экономической программы. Желания вернуться к модели государственного регулирования экономики власть не изъявляла. В создавшемся идеологическом вакууме единственным интеллектуальным центром, способным предложить власти программу экономических преобразований, оставался СПС. Другое дело, что на момент парламентских выборов 1999 года экономическая программа СПС также нуждалась в серьезной доработке**.

Работа по сближению экономической программы СПС и позиции власти велась весной 2000 года в подконтрольном Кириенко ПФО. Там существовал филиал Центра стратегических разработок Грефа, готовившего программу стратегического развития РФ до 2010 года. В точности неизвестно, какие из разработок экспертов СПС вошли в программу Грефа, но сами правые считали ее наиболее приемлемой из тех, которые могло реализовать правительство. «Разумеется, мы поддерживаем программу Грефа, поскольку в ней совершенно ясно прописано уменьшение роли вмешательства государства в экономику. Это очень важно, поскольку государство является самым неэффективным собственником. Дерегулирование со стороны государства – это важное направление грефовской программы. Также в ней много других вещей, связанных с либерализацией (например, налоговое законодательство), в ней делается ставка на внутренние источники развития, на нестатичность субъектов», – заявлял летом 2001 года представитель лагеря «старых демократов» во фракции СПС Сергей Юшенков.

Программа Грефа, как известно, не получила статуса правительственной и в целом не была реализована. Тем не менее в период первого президентского срока Путина правительство последовательно проводило курс, ориентированный на рыночную экономику и исключение возможности возврата к плановому хозяйству. По мнению проректора ГУ ВШЭ Льва Яковсона, «экономическую политику Путина в целом можно считать либеральной, хотя часто ее реализация отличалась противоречивостью. Не произошло то, что вполне было возможно в тот период: возврат к огосударственной экономике. Сегодня мы уже отчасти забыли, что тема возврата не исчезала из повестки дня на протяжении всех девяностых годов. Именно в первый срок президентства Владимира Путина эта тема полностью исчезла. И это главное либеральное достижение первого срока Путина».

* «Московские новости», 3 июля 2002 г.

** Тезисы экономической программы «Либеральное решение», разработанные Гайдаром в качестве проекта программного документа СПС, были направлены в мае 2000 года для доработки в региональные отделения организации.

Правые играли довольно заметную роль в проведении либеральной экономической политики первого срока Путина. По свидетельству Бориса Надеждина, «многие законы, которые были приняты в первый срок Путина, были написаны просто Егором Гайдаром: Налоговый кодекс, плоская шкала подоходного налога, налоги с продаж, ЕСН». Во многом это объяснялось тем, что правые естественным образом заняли невостребованную другими политическими силами нишу. «В бюджетный комитет, — вспоминает Надеждин, — в который записалось 50 человек, на заседания реально ходило человек пять. Когда обсуждались мелкие вопросы, конечно, набегали лоббисты. А когда обсуждались макровопросы, в том числе Налоговый кодекс, реально участвовало очень мало человек». Главную работу по редакции и принятию Налогового кодекса выполняли в основном два человека — Егор Гайдар и Владимир Дубов*.

Поскольку принятие таких стратегически важных документов, как Налоговый кодекс, не могло осуществляться без согласования с Кремлем, то, естественно, существовали устные договоренности между лидерами правых и влиятельными чиновниками из Администрации президента. В частности, все вопросы, связанные с Налоговым кодексом, курировал глава АП Волошин**. В данном случае интересы правых и Кремля полностью совпадали — Кремлю необходимо было «продать» сопротивление левых в парламенте, чтобы принять налоговое законодательство, которое бы позволило осуществить правые по существу экономические реформы в стране.

В целом законодотворческая деятельность СПС в ГД третьего созыва основывалась на системе договоренностей с более крупными фракциями, в первую очередь, «Единством» и с Администрацией президента. «Мы не могли сами провести наши законы — нас было всего 32 депутата, — говорит Надеждин. — Поэтому я очень много времени проводил в Администрации президента на рабочих группах, убеждая бригаду управления внутренней политикой — Владислава Суркова, Александра Косопкина в необходимости принятия тех или иных законов... Каждый раз был торг. Поэтому какие-то вещи мы могли продавливать в обмен на те вопросы, которые были важны им, но казались непринципиальными нам. Так мы продавали массу поправок к избирательному законодательству, например, поправку о публикации в Интернете данных избирательного участка, что резко усложнило возможность фальсификации».

Подобная тактика позволяла правым проводить важные для них законопроекты, однако требовала от них поддержки проектов власти, которые шли вразрез с либеральными установками. Например, в 2000 году часть либералов проголосовала в поддержку лоббируемого Кремлем законопроекта, предусматривающего третий срок для губернаторов. Похмелкин в интервью «Полит.Ру» дал понять, что правые сделали это «против своих убеждений» и что сделано это было ради поддержки АП. В интервью было также упомянуто некое «пакетное соглашение», заключенное между ГД с одной стороны, и АП и губернаторами с другой.

«Этим голосованием достигнуты определенные политические соглашения как с Администрацией президента, так и с руководителями этих регионов. Суть их раскрывать сейчас не могу, но общее направление — это продвижение экономических либеральных реформ, — заявил Похмелкин. — Вопрос в том, какова цена этой сделки. Меня очень волнует, что именно Кремль хочет продвигать через Совет Федерации. Если земельную, налоговую, военную реформы — это замечательно. Если Гимн СССР, законы об ограничении свободы слова, свободы предпринимательства, усилении бюрократического влияния — это крайне опасно и неправильно».

* Крупный акционер ЮКОСа, депутат ГД третьего созыва от ОВР (позже — от ЕР).

** Не только в нижней палате парламента, но и в Совете Федерации. На обсуждения Налогового кодекса, проходившие в стенах сената, Волошин неизменно отряжал в помощь чиновникам правительства (вице-премьеру Алексею Кудрину и первому замминистра финансов Сергею Шаталову) команду сотрульников-лоббистов.

Голоса СПС сыграли определенную (Надеждин считает, что решающую) роль в голосованиях по реформе Совета Федерации в 2000–2001 годах. В результате этой реформы из Совета Федерации ушли губернаторы и спикеры региональных заксобраний, чья строптивость не давала Кремлю проводить нужные ему решения. Губернаторов, считавшихся опорой оппозиционного на тот момент ОВР, заменили представители регионов, назначаемые местными властями по согласованию с федеральным центром. В целом реформа Совета Федерации лежала в рамках пресловутого «укрепления вертикали власти», против которого выступали либералы*. Впоследствии, когда Кремль завершил операцию по разгрому губернаторской фронды, проведя закон об отмене выборности губернаторов, правые поняли, что их использовали. «Тогда (голосуя за реформу Совфеда, — К. Б.) я считал, что был прав: что региональные парламенты будут выбирать себе местных руководителей, — вспоминает Надеждин. — И в голову тогда не могло прийти, что Кремль сможет все дело перевернуть с ног на голову. Отмена выборности губернаторов вызвала мою резкую критику. Я даже ходил в Конституционный суд».

Но было уже поздно**.

Конфронтация между правыми и Кремлем, первые признаки которой проявились еще зимой 2000 года, продолжала нарастать на протяжении всего первого президентского срока Путина. Эта конфронтация далеко не всегда была обусловлена идеологическими расхождениями. По словам бывшего тогда членом Московского отделения СПС Леонида Полякова, «внутрилиберальная грызня вывела на первый план роль личных амбиций. После того как Кириенко, поняв, что он не является публичным политиком, что он скорее менеджер, ушел и лидером партии стал Немцов, для него приоритетной задачей стала борьба и конкуренция с президентом, подчеркивая тем самым, что все остальное несерьезно. Позиция Немцова выглядела так, словно он существует как лидер партии только для того, чтобы присутствовать в 2003–2004 годах на роли кандидата в президенты».

В конфронтации правых с властью можно выделить несколько точек. Это конфликт вокруг НТВ, события на Дубровке и дело Михаила Ходорковского.

Окончательный переход оппозиционного Кремлю канала НТВ под контроль государства в значительной степени был осуществлен руками правых. Топ-менеджмент НТВ, входивший в команду опального олигарха Владимира Гусинского, был заменен людьми из команды Чубайса — Альфредом Кохом и Борисом Йорданом, а сама компания переведена под контроль нового собственника — «Газпром-Медиа». Правые устами своих лидеров пытались обосновать правомерность действий «Газпрома» (за которыми, естественно, угадывалась воля Кремля). Чубайс заявил, что «Газпром» «устанавливает свои права собственника — священные и неприкосновенные права». При этом, подчеркнул Чубайс, «Газпром» действует в рамках закона и «очень корректно», хотя, «имея на руках решение суда, мог действовать гораздо жестче». По мнению Чубайса, «Альфред Кох действует аккуратно, стремясь не ущемить достоинство людей и уникального коллектива НТВ». Чубайс также заявил о несогласии с теми журналистами НТВ, кто говорит якобы о попытке «Газпрома» захватить собственность. «Есть решение суда, оно может нравиться или не нравиться, но это решение суда», — подчеркнул глава РАО ЕЭС.

* См., например, сборник критических статей публицистов либерального лагеря «Вниз по вертикали» (М., 2005).

** В целом реакция СПС на отмену прямых выборов губернаторов была сдержанной. Характерно в этом смысле высказывание Леонида Гозмана в интервью portalu Lenta.ru 17 сентября 2004 года: «Очевидно, что эта мера — отступление от демократии. Однако в этой ситуации не стоит кричать: “Путин — ура!” или “Путин — долой!” Наше дело — работать».

Однако либеральная общественность восприняла позицию Чубайса (и СПС в целом) как «предательство». Правые все чаще стали подвергаться критике со стороны «старых демократов» и левых либералов «Яблока». Их прямо обвиняли в «пособничестве авторитарному режиму», зажимавшему свободу слова.

«Интеллектуалы услужливо разрабатывали концепции “управляемой демократии”, “административной вертикали”, “диктатуры закона”. Когда потребовалось заткнуть рот последнему оппозиционному коллективу на телевидении, либералы поручили “раздавить гадину” любимцу партии СПС Альфреду Коху», — писал один из неконформистов либерального лагеря*.

Одновременно стала снижаться и электоральная поддержка правых. С ноября 2001 года СПС вошел в полосу электорального упадка: если в сентябре 2000 года СПС было готово поддержать одиннадцать процентов активных избирателей, то к январю 2002 года этот показатель снизился до четырех процентов.

Очередным испытанием для правых стал «Норд-Ост». Выступления Немцова, связанные с событиями на Дубровке, вызвали резкую реакцию Путина, подвергнувшего критике «отдельных политиков», делающих «пиар на крови».

СПС сформировал общественную комиссию по расследованию обстоятельств теракта в ДК на Дубровке во главе с депутатом ГД Эдуардом Воробьевым. После публикации выводов комиссии отношения между СПС и Кремлем стали еще более напряженными**.

«Норд-Ост» вновь обострил внутрипартийный конфликт в СПС. Резкие заявления Немцова и Хакамады вызвали негативную реакцию сторонников Кириенко, отошедшего от руководства партией, но продолжавшего контролировать «консервативное» крыло, связанное с «Новой силой» и региональными сетевыми организациями. Заместитель приволжского полпреда Любовь Глебова выступила с критикой федерального руководства СПС. «Против кого мы стоим на баррикадах? Против действующей власти. Вместо того чтобы поддерживать ее реформаторские усилия, мы с ней почему-то в основном боремся. По любому поводу. Неправильные действия совершили — комиссию скорее создавать, расследовать, кричать: нарушение прав человека!».

Критическая позиция Немцова и Хакамады не нашла понимания и у главного «государственника» в стане правых Чубайса. Не делая громких заявлений, которые могли бы повредить единству партии, он четко дистанцировался от «пиара на крови». Впоследствии Чубайс выступил с критикой предвыборного заявления Хакамады по поводу «Норд-Оста», назвав его «фальшивым» и призвав СПС не оказывать ей поддержку на президентских выборах 2004 года.

Интересно, что в это же время представители партии «Яблоко» заявляли о том, что союз с СПС невозможен, поскольку у двух партий нет никаких точек соприкосновения. Однако в случае выхода Кириенко и его сторонников из состава СПС подобное объединение выглядело гораздо более реальным. «Один из руководителей “Яблока”... заявил, что без Кириенко и Чубайса действительно можно создать единую демократическую партию, в которой “яблочники” согласны видеть не только Немцова и Хакамаду, но даже Похмелкина»***.

Тем не менее Чубайс тоже выступил с осторожной критикой Путина, хотя эта критика и не была связана с терактом на Дубровке. Глава РАО ЕЭС завуалированно обвинил президента в том, что тот стремится к пересмотру

* Пионтковский А. Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают. Чтобы не сесть // «Новая газета», 21 ноября 2003 г.

** Комиссия, в частности, пришла к выводу, что увеличение числа жертв среди заложников было вызвано халатностью должностных лиц, отвечавших за общую координацию действий по спасению людей после их освобождения, и сокрытием информации о применении спецсредств и возможных последствиях их применения.

*** Сподвижники Кириенко грозят Немцову развалить партию // «Независимая газета», 11 декабря 2002 г.

результатов приватизации, объяснив это «негативным влиянием» на Путина никого иного, как Александра Солженицына.

Так, в интервью журналу «Коммерсантъ-Власть» Чубайс обвинил «старца-диссидента» в том, что он является идейным вдохновителем «наезда» Путина на олигархов. «Позиция Солженицына сегодня полностью совпадает с позицией самой реакционной части спецслужб и КПРФ», – подчеркнул Чубайс. А на вопрос корреспондента, неужели «бедный Путин такой впечатлительный, что поддался его убеждениям», ответил вполне недвусмысленно: «Я не знаю. Но мне так кажется»*.

Белковский расценивает это и последующие заявления Чубайса против Солженицына, «настраивающего» президента на отмену результатов приватизации, как часть продуманной игры главы РАО ЕЭС, имеющей целью сохранить либеральную идентичность СПС. «Это заявление отражало не столько представления Чубайса о Путине, сколько стремление Чубайса консолидировать внутри СПС своих сторонников. Чубайс не мог переоценивать влияние на Путина Солженицына, прекрасно понимая, что Путин выражает интересы номенклатурного капитализма, для которого такие люди, как Волошин или Абрамович, гораздо важнее, чем Солженицын.

Это был внутренний месседж для либералов в целом... Здесь надо отдать должное прозорливости Чубайса, который на протяжении этих восьми лет пытался создать виртуальный, абсолютно ложный конфликт с целью сохранить СПС в политике. Это было единственной его целью».

Предупреждения Чубайса о возможной атаке на олигархов, тем не менее, оправдались осенью 2003 года. В октябре 2003 года был арестован Михаил Ходорковский. Правые отреагировали на это событие весьма болезненно**. Лидер СПС Немцов направил в Генпрокуратуру личное поручительство за главу ЮКОСа и ходатайство об изменении ему меры пресечения. А зампред фракции СПС в ГД Надеждин заявил журналистам, что арест Ходорковского является «бессмысленным и незаконным». «На самом деле это акция устрашения политической и бизнес-элиты в стиле ВЧК-НКВД-КГБ», – добавил он. С точки зрения Кремля, это было равносильно открытому объявлению войны.

Арест Ходорковского и последовавшая сразу же за ним отставка главы АП Волошина, считавшегося одним из главных союзников правых в Кремле, стали переломным моментом в отношениях либералов с властью. Выстраиваемая на протяжении первого срока президентского правления Путина «вертикаль власти» – а правые, как говорилось выше, играли в этом выстраивании немаловажную роль – обернулась усилением репрессивных функций государства, атакой на крупный бизнес и – в перспективе – возможностью пересмотра итогов приватизации. По мнению заведующего отделом политики журнала «Русский Newsweek» Михаила Фишмана, «следующим шагом – и это тоже следствие дела ЮКОСа – Путин отменил выборы губернаторов. В известном смысле не отменить их было уже невозможно».

Отставка Волошина была воспринята правыми как драматическое свидетельство коренного изменения курса власти. «Это плохо и это серьезно», – прокомментировал отставку главы АП Чубайс в эфире радиостанции «Эхо Москвы».

Немцов был еще категоричнее. «Это крупная ошибка. Без диалога с обществом невозможно построить процветающую Россию, и поэтому Волошина можно понять, – заявил он. – Отказ власти от диалога с лидерами партий и представителями бизнеса – беспрецедентный случай».

Для лидеров правых, особенно для Чубайса, отставка Волошина означала прежде всего потерю ресурсов. Во-первых, давал сбой механизм диалога с властью (в лице главы АП), во-вторых, многократно увеличивался риск избирательных проблем, с которыми СПС вплотную столкнулся через несколько месяцев.

* «Коммерсантъ-Власть», 28 июля 2000 г.

** В первые месяцы после ареста Ходорковского в либеральной среде была популярной версия о том, что глава ЮКОСа заплатил за заявления о финансовой поддержке СПС и «Яблока» на приближающихся парламентских выборах.

Интересно отметить, что отставка Волошина, вызвавшая серьезную обеспокоенность лидеров СПС, была крайне сдержанно прокомментирована «Яблоком». Первый заместитель руководителя фракции «Яблоко» в Госдуме Сергей Ивченко назвал отставку «естественной» в свете несогласия с политикой правоохранительных структур в отношении ЮКОСа. Впрочем, учитывая прохладные отношения между Волошиным и Явлинским, в этом нет ничего удивительного.

«Дело Ходорковского» окончательно похоронило шансы СПС занять нишу «резервной партии власти». Начиная с думского кризиса зимой 2000 года, позиции «государственников» в СПС постепенно ослабевали. Прямое влияние Чубайса на разношерстную коалицию правых обеспечивалось его возможностями реинтегрировать «старых демократов» во власть. После того как власть показала, что не нуждается в правоцентристской коалиции, этот ресурс Чубайса заметно ослаб. Идеологический центр партии стал смещаться к Леониду Гозману. Последний, будучи игроком команды Чубайса, тем не менее, не разделял многих идей своего шефа. По оценке члена политсовета СПС Алексея Кара-Мурзы, «Гозман нечувствителен к теме либерального патриотизма вообще. Возможно, нереализованность либерально-патриотического бренда в моем толковании связана с его позицией».

Справедливости ради надо отметить, что в 2003 году Гозман усердно пропагандировал идею «либеральной империи», которую обычно связывают с именем Чубайса*. Однако в его понимании «либеральная империя» должна была быть частью некоей глобальной структуры («образующейся единой мировой империи»), что в целом не противоречит либеральным представлениям о месте России в мире, тогда как Чубайс говорил не только об этом, но и о проекте региональной сверхдержавы, реализующей свои интересы исключительно мирными (экономическими) средствами.

Отставка Волошина была воспринята правыми как драматическое свидетельство коренного изменения курса власти

Так или иначе, идея создания «либеральной империи» после событий октября 2003 года была вытеснена на периферию идеологического поля правых, оставшись личной инициативой главы РАО ЕЭС. После ареста Ходорковского любые разговоры об «империи» прочно ассоциировались в сознании правых с усилением роли спецслужб, репрессиями и так далее. «Само слово “империя” было крайне неудачным, – считает Кара-Мурза. – Слова Чубайса «раскачали» имперский бренд, но в крупных городах сливки снял Рогозин, а совсем не СПС».

Этот сюжет вызвал очередное обострение отношений СПС и «Яблока». Полемика Чубайса и Явлинского в программе «Основной инстинкт» о «либеральной империи» дала толчок дискуссии на страницах либеральной прессы, перешедшей границы допустимого. Опубликовав статью Татьяны Толстой «Пушкин и Минкин», «Новая газета» с горечью констатировала, что вынуждена закрыть «на своих страницах всякую дискуссию между “Яблоком” и СПС. Потому что или демократы вместе бьются за место президента, или загрызают на его глазах друг друга, развлекая власти за утешительный приз. Доелят они себя сами. Мы (редакция – К. Б.) в этом не участвуем»**.

В целом к концу 2003 года положение правых в российской политической системе серьезно ухудшилось. Парламентский кризис зимы 2000 года определил то место, которое готов был закрепить за правыми Кремль, – это было положе-

* Концепция «либеральной империи», разумеется, не изобретена Чубайсом – она существует с конца XIX века и была разработана в рамках английской политэкономической философии. Среди «отцов» современной российской концепции «либеральной империи» называют Дениса Драгунского и Дмитрия Орешкина. В защиту «либеральной империи» выступала в 2003 году писательница Татьяна Толстая.

** «Новая газета», 6 ноября 2003 г.

ние «полупериферийных участников» проправительственной коалиции. Некоторое время правые оставались полезными федеральной власти, хотя им и не позволяли реально влиять на политический процесс. Их вклад был ограничен влиянием на экономическую политику и посредническими функциями во взаимоотношениях власти и либеральной оппозиции («дело НТВ»).

Однако действия правых, обусловленные как личными амбициями их лидеров, так и идеологической разнородностью их коалиции, привели к тому, что они оказались в оппозиции к федеральному центру. Идеологическое размежевание в стане правых привело к краху проекта 1999 года. Тогда избиратели голосовали не столько за либеральную партию, сколько за молодых динамичных политиков, ассоциировавшихся с будущим страны. Критика федеральных властей, ставшая лейтмотивом выступлений лидеров СПС с 2002 года, не могла рассматриваться в качестве позитивного проекта будущего.

На парламентских выборах 2003 года либералы потерпели сокрушительное поражение. СПС получил 3,97 процента голосов избирателей, «Яблоко» – 4,3 процента. Обе партии не прошли в ГД и оказались отброшенными на обочину политического процесса.

По мнению Леонида Полякова, «СПС погубили: отказ от первичного позиционирования своей позиции как либерально-патриотической, отказ от поддержки президента Путина, превращение партии в конкурирующую с «Яблоком» силу, попытка занять леволиберальную или даже социал-демократическую позицию, конкуренция Немцова с Путиным, которая нарастала с 2001 по 2003 год».

В обществе был востребован не только антиолигархический, но и патриотический дискурс, который не могли предложить избирателю правые. Не могли совершенно осознанно – идеи «либерального патриотизма» и «прагматического либерального консерватизма», выразителями которых были Чубайс и Кириенко, не находили поддержки среди усилившихся внутри партии «старых демократов», опиравшихся на Немцова и Хакамаду.

По мнению политолога Макаркина, СПС, будучи идеологической партией, не могла поддержать идею о либеральной империи без риска утраты своей либеральной идентичности. «Имперская, национально-ориентированная тенденция была допустима – можно было провозгласить идею либеральной империи. Но ее надо было расшифровывать. И тут встает выбор между двумя позициями. Одна позиция – за демократические реформы, свободы, европейскую ориентацию. Другая сводится, к сожалению, к тому, что в 1991 году Крючков с Янаевым проиграли, и нет Сталина. Либерал внутренне не может быть со вторым. И сразу же идея либеральной империи ставится под сомнение, понятие расплывается на либеральную и имперскую составляющие».

Отказавшись от идеи либеральной империи, правые позиционировали себя как антипатриотов. Этим не преминул воспользоваться Дмитрий Рогозин, активно разыгрывавший карту антилиберальной риторики, направленной против СПС. «Родина», созданная первоначально для того, чтобы отнять максимум голосов у КПРФ, сыграла роль одного из могильщиков правых на выборах 2003 года.

Уроки побед и поражений

История второго пришествия либералов во власть (если считать первым правительством Гайдара – Чубайса 1992 года) четко делится на два периода: с 1999 по 2003-й, когда правые выступали союзниками Владимира Путина, и с 2004-го по настоящее время, когда они в основном находились в оппозиции федеральной власти.

Главный секрет победы правых в 1999 году заключался в том, что они сумели позиционировать себя как союзников Путина, в качестве долгожданной «новой силы». Преодолев на время противоречия между участниками правой коалиции и выдвинув на первый план команду молодых политиков, не ассоциировавшихся у избирателя с демократами первой волны, они значительно расширили свою электоральную базу. Однако закрепить успех не сумели.

Проблема заключалась в том, что правые оказались не готовыми к той роли, которую получили в результате реформирования политического поля в 2000–2001 годах. Они хотели быть равноправными партнерами власти, в то время как власть рассматривала их как младших союзников. А с этим статусом правые, которые претендовали на роль интеллектуального резерва власти и видели себя своего рода духовными наставниками власти, разрабатывающими для нее стратегические концепции будущего, согласиться не могли.

Парадоксальным образом в самой политической победе правых в 1999 году были заложены факторы, предопределившие их поражение четыре года спустя. Пока речь шла об аморфном объединении различных движений с разнородной идеологией, у правых сохранялась определенная свобода маневра и широкое поле возможностей для влияния на ситуацию. Экспертно-интеллектуальное сообщество, рассеянное по различным центрам, институтам и ассоциациям, не могло напрямую вмешиваться в политический процесс, однако создавало ту атмосферу, в которой он происходил. Став политической партией, правые приобрели определенную возможность участвовать в процессе принятия решений, но при этом сами загнали себя в жесткие рамки, предусматривающие всего лишь два варианта развития событий. Как политическая партия, СПС мог либо стать вассалом власти, либо перейти к ней в оппозицию. Правые выбрали второй вариант и потеряли свой главный ресурс, обеспечивший им электоральный успех в 1999 году. В 2003 году это стоило им не только места в парламенте, но и статуса системной политической силы.

После испытаний, выпавших на долю российских либералов в 1999–2003 годах, идентичность среды перестала быть определяющим фактором. На первый план вышел критерий отношения к власти

После провала 2003 года правые (прежде всего их лидеры – Чубайс, Гайдар и т. д.) утратили статус безальтернативных модераторов либеральной среды, который был закреплён за ними с начала 1990-х годов. Стало ясно, что сама среда за эти годы изменилась драматическим образом – часть ее была ориентирована на тесное сотрудничество с властью, и для них гораздо более авторитетным модератором стал Путин (что проявилось, в частности, в «деле НТВ»). Другая часть либеральной среды, напротив, ушла в непримиримую оппозицию к власти, став питательным бульоном для разного рода «несогласных» – эти люди также не признавали авторитета правых, которые, по их мнению, запятнали себя сотрудничеством с Кремлем. Для либеральной картины мира этот раскол имел поистине трагические последствия. Ранее считалось, что социокультурный фактор (родство, близость, сходство) играет большую роль, чем фактор идеологический – именно это позволило правым в 1999 году сформировать достаточно широкую коалицию. Не имело принципиального значения место работы либерала – он мог сотрудничать даже с коммунистами, при этом всегда оставаясь «своим» для «своих». После испытаний, выпавших на долю российских либералов в 1999–2003 годах, идентичность среды перестала быть определяющим фактором. На первый план вышел критерий отношения к власти.

В то же время говорить о глобальном провале либерального проекта в 2003 году было бы некорректно. Провалилась прежде всего попытка «старых демократов» вернуться во власть, используя ценности начала 1990-х годов – права человека, свободную конкуренцию, нерегулируемый государством рынок, ориентацию на Запад. Тот проект, который возник в конце 1999 года в рамках коалиции «Правое дело», просто перешел в другие руки – в частности, в руки «Единой России». Не случайно, по словам Сергея Переслегина, «если бы правых привлекли к работе в этой самой вертикали власти, они были бы крайне счастливы. И там, где их привлекли, они и стали основой «Единой России». Там, где их не привлекли, они стали критиками вертикали». Многие активисты СПС, особенно пришедшие в ее региональные организации по квотам «Новой силы» и через программу «Кадровый резерв», перешли в ряды «Единой России», не изменив при этом своим идеологическим

убеждениям. Что же касается влияния правых на экономическую политику, то оно в основном сохранилось, поскольку в большей степени было связано с экспертными центрами, нежели с партийными структурами.

Таким образом, главный урок последнего либерального реванша можно сформулировать так: преимущество российских правых перед другими политическими силами заключается в том, что они в состоянии формировать идеологический фон, на котором действует власть. Однако образование партийных структур, к которому логически подводит правых их усиливающееся влияние на власть, неизбежно заставляет их занять нишу оппозиции. Это, в свою очередь, вызывает ответную реакцию власти, которая перестает оказывать правым столь необходимую им поддержку в период выборов. А сам по себе либеральный дискурс не настолько популярен в России, чтобы правые могли рассчитывать на электоральный успех.

Основным ресурсом правых было то, что в американской политологии обозначается термином *soft power*. Согласно определению американского политолога Джозефа Ная, «Soft Power – “Мягкая сила” – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек». В нашем случае это скорее воздействие на общество и власть путем создания определенных интеллектуальных моделей и индоктринация власти через экспертные и политические структуры. Иными словами, само существование либеральной среды является залогом *soft power* правых. Именно поэтому «реванш» 1999 года был последним успехом либералов – повторить его уже никогда не удастся, поскольку необратимо изменилась среда, формировавшая либеральный проект. Если либерализму и суждено вновь занять достойное место в российской политической и общественной жизни, то это, в любом случае, будет другой либерализм.

Партийные структуры, собственно говоря, не нужны российским правым – они только затрудняют коммуникацию с властью. Там, где правые сумели инкорпорироваться во власть – как, например, Кириенко и его команда, – они добились гораздо большего, чем их скованные жесткими партийными рамками коллеги-депутаты.

Сфера деятельности правых – аудитории университетов, конференц-залы и кабинеты экспертных центров, редакции журналов и советы директоров крупных корпораций, а не зал пленарных заседаний Государственной Думы. По крайней мере в обозримой политической перспективе.

